

С.Н. Брежнева

«ТАШКЕНТСКИЙ ЛЕВ» ГЕНЕРАЛ М.Г. ЧЕРНЯЕВ

Завоевание Средней Азии Россией неразрывно связано с именами русских полководцев. Исключительное место среди них занимает Михаил Григорьевич Черняев – талантливый военачальник, авантюрист, практически самовольно взявший в 1865 г. Ташкент, находившийся потом в должности военного губернатора Туркестанской области и лишившийся ее по распоряжению свыше из-за своеволия. С 1882 по 1884 гг. – генерал-губернатор Туркестанского края.

Михаил Григорьевич Черняев родился в 1828 г. в небольшой дворянской семье, в Бессарабии, в Бендерах, где его отец участник Отечественной войны 1812 г., служил под началом графа М.С. Воронцова. С 12-ти лет воспитывался в Дворянском полку в Петербурге. С 1847 г. началась военная карьера подпоручика М.Г. Черняева. В 1849 г. Черняев поступил в Академию генерального штаба, окончил обучение в 1851 г. Был в Севастополе во время Крымской войны, участвовал во всех делах севастопольского гарнизона, начиная с битвы под Инкерманом (24 октября 1854 г.), состоял при генерале Хрулеве, действуя большей частью на Малаховом кургане, т.е. находился в самом центре событий. По окончании войны Черняев был начальником штаба третьей пехотной дивизии, а затем был переведен в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора А.А. Катенина.

С этого времени начинается период жизни, связанный со Средней Азией. 31 марта 1858 г. Черняев был откомандирован в распоряжение генерал-майора А.Л. Данзаса в форт Перовский¹. Он был назначен начальником штаба Сырдарьинской пограничной линии. На новом месте службы М.Г. Черняев быстро стал профессионалом степной пограничной войны. С небольшим, но хорошо обученным отрядом казаков он громил кочевые банды киргизов, отбивал невольников и совершал дерзкие глубокие рейды в глубь Туркестана.

В июне-июле 1859 г. Черняев принял участие в экспедиции А.И. Бутакова на судах Аральской флотилии к Кунграду, временно отделившемуся от Хивинского ханства. Он возглавил командование отрядом, посланным на помощь жителям Кунграда, восставшим против хивинского хана. Свои впечатления и взаимоотношения с местным населением он описывал в дневнике, выдержки из которого были опубликованы в журнале «Русский архив» в 1906 г. Одновременно Черняев проявил себя, как хороший военный стратег. Например, он написал подробную

инструкцию Данзасу об укреплении Джулека, расположенному на Сырдарье². Джулек был взят в 1861 г. и не исключено, что соображения Черняева сыграли в этом событии не последнюю роль.

К 1859 г. среди высших чинов правительства, членов министерства иностранных дел, высших военных чинов вполне сложилось мнение о необходимости активного наступления на Среднюю Азию. Сторонниками данного курса были Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин, Западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд и будущий глава Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатьев (кстати, друг Черняева по академии). Однако не было согласованности в вопросе о направлении движения. Об этом свидетельствует, например записка А.Л. Данзаса «О взглядах разных лиц по вопросу занятия р. Сырдарьи, о русских границах в связи с этим и русской политике»³. В ней Данзас представляет точки зрения разных лиц на направление наступления на Среднюю Азию, которые были заслушаны в присутствии генерала А.А. Катенина в Оренбурге 17 и 18 октября 1859 г. Сам А.Л. Данзас был сторонником наступления на ханства Средней Азии со стороны Сырдарьи. Его подчиненный М.Г. Черняев придерживался иной точки зрения. Он считал, что наступать России следует по Амударье. В своей записке «Сравнительный очерк Аму и Сыра» от 22 сентября 1859 г. он отдает предпочтение Амударье: «...свидетельства путешественников уверяют нас, что плавание по этой реке выгодно. О Сырдарье мы не имеем никаких положительных сведений»⁴. В другом своем очерке «Низовья Аму до Кунграда» Черняев вновь подчеркивает преимущества Амударьи: «Бесспорно, конечно, что занятие Амударьи принесет несравненно большие выгоды, чем владение Сырдарьей»⁵. Обосновывая преимущества русского продвижения по Амударье, он утверждает, что тем самым «мы открываем себе путь в отдаленные места Средней Азии и заставим опасаться за свою независимость народы, здесь обитающие»⁶. Вероятно, со свойственной ему прямоотой и категоричностью Черняев не раз высказывался за преимущества Амударьи. Данзас парировал: «Соглашаясь с Черняевым, что попытки наши на Аму заставят опасаться народы, там обитающие за независимость, я не могу согласиться, что с занятием низовьев Аму мы открываем себе путь в отдаленные места Средней Азии. По моему мнению путь по Аму во многих отношениях для нас вреден и, во всяком случае, по крайней мере в настоящее время бесполезен»⁷. В этой же записке Данзас обосновывает необходимость наступления на Среднюю Азию и занятие города Ташкента. Кто бы мог думать тогда, что всего через 6 лет воплотить это удастся оппоненту Данзаса Черняеву! А пока, несмотря на представление очевидных аргументов генерала Катенина в рапорте Александру II о необходимости наступательных действий на Среднюю Азию, решение этого вопроса откладывалось на неопределенное время. Боясь осложнений с Турцией, Англией и Ираном, Александр II отказался от этих планов. МИД, поддержанное царем, отказывалось от наступательной политики, стремилось к смягчению международной обстановки, прежде всего, в отношении государств Крымской системы – Англии, Франции и Австрии.

В этих условиях генерал М.Г. Черняев принимает решение покинуть Среднюю Азию. Этому способствовал также его конфликт с А.Л. Данзасом из-за степного разбойника Досчана. Последний был приговорен к расстрелу, несмотря на заступничество и противодействие М.Г. Черняева⁸. Оренбургский генерал-губернатор Катенин поддержал Данзаса, Черняев отбыл в декабре 1859 г. на Кавказ в распоряжение командующего войсками левого крыла Кавказской армии генерала Н.И. Евдокимова.

Под руководством этого боевого генерала он прошел школу контрпартизанской войны против горцев. Черняев был вместе с Евдокимовым во всех завершающих операциях Кавказской войны. Участвуя в покорении Кавказа, Михаил Григорьевич обратил на себя внимание масти-

того фельдмаршала, главнокомандующего и заместника на Кавказе князя А.И. Барятинского, и сблизился с весьма известным в свое время военным писателем Р.А. Фадеевым, сохранив впоследствии наилучшие отношения с этими выдающимися в истории Кавказа личностями. Под их влиянием он сделался убежденным славянофилом.

Пока Михаил Григорьевич нес службу на Кавказе, в Петербурге вызревала идея решительных действий в Средней Азии. Военный министр Д.А. Милютин был сторонником военного выступления против Средней Азии. Вице-канцлер А.М.Горчаков мало занимался среднеазиатскими делами. Они находились в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел, возглавляемого с 1861 г. Н.П.Игнатьевым, бывшим главой миссии в Хиву и Бухару в 1858 г. и сторонником решительных действий.

Еще в 1859 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд запросил у царя разрешение на занятие крепости Пишпек. 24 января 1859 г. решением особого совещания это разрешение было дано, но реализация его была отложена на год. В конце августа 1860 г. полковник А.Э. Циммерман с отрядом пехоты и конницы в 1750 человек, при 15 орудиях перешел р. Чу, и пошел на Токмак. 26 августа Токмак был занят, а в сентябре отряд Циммермана после пятидневной осады занял город Пишпек. В первой половине октября 1860 г. подполковник Г.А. Колпаковский занял Узун-агач. Несмотря на победу, царские войска не могли укрепиться в Чуйской долине. Малочисленность русских войск привела к тому, что в 1861 г. Токмак и Пишпек были вновь заняты кокандцами.

После смерти Оренбургского генерал-губернатора А.А. Катенина в 1860 г. эту должность занял А.П. Безак, в распоряжение которого летом 1862 г. был направлен М.Г. Черняев в качестве начальника штаба Оренбургского корпуса. В переводе с Кавказа, где военные действия прекратились, ему содействовали его друзья по академии Генерального штаба Игнатьев и Полторацкий (первый к тому времени был директором Азиатского департамента МИДа, второй — начальником Азиатского отделения Главного штаба).

В 1863 г. А.П. Безак вновь выдвинул проект о немедленном соединении Сырдарьинской и Сибирской линий. В феврале 1863 г. состоялось заседание особого комитета с участием министров, а также Оренбургского и Западносибирского генерал-губернаторов А.П. Безака и А.О. Дюгамеля, где было принято решение о соединении Сырдарьинской и Сибирской линий. Но финансовое и дипломатическое ведомства отклонили его. Кроме финансовых трудностей, на решения Особого комитета повлияли расхождения во взглядах обоих генерал-губернаторов на задачи и цели политики России в Средней Азии. Безак предлагал занять Ташкент и включить его в состав Российской империи, а Дюгамель считал более целесообразным добиться создания в Ташкентском оазисе самостоятельного ханства под покровительством России.

Тогда инициативу взяло на себя западносибирское и оренбургское командование. Весной 1863 г. полковником Г.А. Колпаковским была произведена рекогносцировка Чуйской долины до крепости Аулие-Ата. В этом же году отрядами полковника Черняева были заняты кокандские укрепления на Сырдарье: Сузак и Чулак-Курган. Занятие данных укреплений произошло вопреки приказу Безака об осторожном проведении рекогносцировки от Джулека до Туркестана. Когда отряд Черняева дошел до Сузака, там вспыхнуло восстание против кокандской власти. Михаил Григорьевич поддержал восставших артиллерией, кокандский гарнизон капитулировал, а население Сузака попросилось в русское подданство. Этому примеру последовало население Чулак-Кургана. Проведение данной операции «стало образцом для проведения операций в Средней Азии: малыми силами и средствами, энергично и решительно, без должного согласования с верхами, не дожидаясь одобрения и подхода резервов...»⁹.

Однако такое пионерство привело к конфликту с генерал-губернатором Безаком, и Черняев самовольно отправился в Петербург. Там, кстати, довольно высоко оценили действия Черняева, т.к. в этот период обострились отношения с Англией из-за польского восстания 1863 г., а действия русской армии в Средней Азии создавали угрозу Британской империи. Последняя предприняла вскоре новые попытки утвердить свое присутствие в Коканде и Бухаре. Петербургское правительство, поставленное перед фактом, согласилось на соединение Сырдарьинской и Сибирской линий.

26 декабря 1863 г. был подписан царский указ, ознаменовавший переход от разведывательного этапа к тотальному наступлению Российской империи на Туркестан. На 1864 г. Военное министерство назначило выполнение этого утвержденного императором решения¹⁰.

Черняев, которого неудержимо влекло в Среднюю Азию, получает новое назначение в Сибирский военный корпус под начало Западносибирского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля. Черняеву был предназначен пост начальника особого западносибирского отряда для занятия нескольких укрепленных пунктов в пределах промежуточной территории.

Соединение Сырдарьинской и Сибирской линий предполагалось осуществить силами войск двух корпусов — Оренбургского и Сибирского. Оренбургским корпусом должен был командовать полковник Н.А. Веревкин, Сибирским — полковник М.Г. Черняев. Отправившись в начале 1864 г. в г. Верный, где формировался отряд, Черняев приступил к своей задаче с весьма ограниченными средствами; расходы по экспедиции должны были покрываться остатками интендантских сумм западносибирского округа. Офицер 8 линейного Западно-Сибирского батальона Гелярий Сялковский в своих воспоминаниях описывал переход отряда М.Г. Черняева из Верного в Чуйскую долину¹¹.

4 июня 1864 г. после двухчасовой осады отряду Черняева сдался город Аулие-Ата, почти одновременно 12 июня Веревкин завоевал город Туркестан. За эти запланированные победы оба полковника получили чин генерал-майора. Однако Черняев решил, что для окончательного соединения двух линий необходимо захватить г. Чимкент. В нескольких переходах от Чимкента находился отряд Веревкина, к которому обратился Черняев с просьбой о поддержке. Однако он «получил от Веревкина грубое письмо от 2 июля, в котором тот уведомлял, что отряда не вышлет, потому что нужно строить помещения на зиму и косить сено»¹². Тогда Черняев начинает действовать на свой страх и риск, очевидно уверенный в поддержке Петербурга и лично государя, который в личной аудиенции накануне нового назначения Черняева, по-видимому, дал понять, что приветствует инициативу.

Город Чимкент считался неприступной крепостью, имея мощные укрепления, но солдаты Черняева 22 сентября 1864 г. проникли внутрь Чимкента по водопроводу через сводчатое окно в крепостной стене. Гарнизон был до того поражен внезапным появлением неприятеля внутри городской ограды, что не оказал никакого сопротивления. За овладение Чимкентом Черняев получил знак ордена Св. Георгия 3-й степени, о чем 2 ноября 1864 г. ему в письме сообщил Западносибирский генерал-губернатор А.О. Дюгамель¹³. Таким образом, в ходе кампании 1864 г. Черняев по собственной инициативе присоединил к России территории современных Южного Казахстана и части Узбекистана.

30 октября 1864 г. военный министр Д.А. Милютин отправляет Оренбургскому генерал-губернатору А.П. Безаку конфиденциальное послание, в котором выражает недовольство отказом Веревкина в помощи Черняеву в овладении Чимкентом. «Между тем, - пишет Д.А. Милютин, - в это время у Чимкента находились главные силы Кокандского ханства в числе до 30 тыс. человек под личным предводительством хана»¹⁴. Милютин также осуждает действия

Веревкина, который, получив приказание о подчинении туркестанского отряда Черняеву, его не выполнил, чем «поставил войска в Туркестане в крайне затруднительное положение»¹⁵. В заключение Милютин просит Безака воздействовать на Веревкина. Надо полагать, последний был наказан.

Однако Черняеву было мало даже Чимкента. Его целью был Ташкент. 1 октября он подошел к городу, и, видимо, уверенный в собственных силах, не проведя должной разведки, решился на штурм. Однако Черняеву пришлось еще раз убедиться в силе кокандской артиллерии, т.к. под Ташкентом его ждала неудача, результатом которой было 16 погибших и 62 раненых¹⁶. Черняев поспешил объявить неудачный штурм рекогносцировкой, однако, это не могло обмануть профессионалов. 12 ноября 1864 г. он получил гневное письмо от Западносибирского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля, который писал: «Я только что отправил Вам письмо, как получил сведения о каком-то поражении под Ташкентом, в котором кроме многих был убит Обух¹⁷ и ранен Лерхе¹⁸... Ни в одном из своих донесений Вы не обмолвились своими намерениями идти на Ташкент... В донесении от 25 сентября Вы уведомили меня, что отправляетесь к Ташкенту, но не для того, чтобы взять этот город, а только для производства рекогносцировки... Каким же образом простая рекогносцировка обратилась в штурм города?»¹⁹.

В ответ Черняев высказал свое несогласие с тем, что попытка захвата Ташкента не могла считаться нецелесообразной и хотя оказалась неудачной, «но была предпринята не с целью пожатия новых лавров», а для окончательного упрочения России в Зачуйском крае. «...Что касается до неудачи и потери, понесенной нами, ... я безропотно готов подвергнуться всякой ответственности, но перед совестью своею остаюсь совершенно спокойным даже и потому, что участь, постигшая Обуха, Лерхе и других могла точно так же постигнуть и меня самого»²⁰. Письмо заканчивается просьбой об отставке. За этими строками просматривается личность автора — человека горячего, импульсивного, способного идти до конца в достижении цели.

Однако несмотря на неудачный поход на Ташкент, в Санкт-Петербурге явно благоволили к Черняеву. В начале 1865 г. он назначается военным губернатором образованной из Зачуйского края и Сырдарьинской линии Туркестанской области²¹. Находилась она в составе Оренбургского края, генерал-губернатором которого с 1865 г. после отставки А.П. Безака являлся Н.А. Крыжановский.

Мысль о завоевании Ташкента не оставляет Черняева, тем более что кокандские власти всячески провоцируют его на столкновение. Так, например, в конце ноября 1864 г. 10-тысячное кокандское войско во главе с наместником малолетнего хана Коканда Алимкулом выступило из Ташкента в поход, имея целью отбить Чимкент. Однако подойти к Чимкенту скрытно Алимкулу не удалось: в селении Икан кокандцы встретили казачий отряд есаула Серова. 109 казаков при одном орудии вели трехдневный бой против большого и неплохо вооруженного войска. 57 казаков погибли, 42 были ранены, т.е. практически ранены были все оставшиеся в живых. Однако израненные уральские казаки сумели пробиться сквозь тысячные ряды противника. Кокандцы были ошеломлены мужеством русских людей. Героев спас отряд, высланный из Туркестана²². На Черняева подвиг уральских казаков, позже неоднократно описанный²³, оказал большое впечатление. Сразу после события им была написана статья, опубликованная в январе 1865 г. в «Русском инвалиде»²⁴, где он перечислил состав отряда, указал потери, сообщил о награждении есаула Серова.

Несмотря на то, что Черняеву было предписано воздерживаться от дальнейших попыток взять Ташкент, он решил действовать на свой страх и риск, что подтверждается материалами фонда М.Г. Черняева (ф.208) отдела письменных источников Государственного исторического

музея. В своих воспоминаниях о взятии Ташкента генерал Черняев пишет: «Зная о сношениях жителей Ташкента с эмиром, я поторопился со штурмом»²⁵. Весной 1865 г. он начал подготовку к новому походу на Ташкент. Возможно, он торопился не только из-за активизации действий бухарского эмира, который не отказался от притязаний на Ташкент, с 1808 г. находящегося в составе Кокандского ханства. Дело в том, что новый генерал-губернатор Оренбургского края Н.А. Крыжановский собирался прибыть в Туркестанскую область в августе и до его прибытия просил никаких мер не предпринимать. Однако Черняев «... не хотел делиться славой... На товарищеских советах решено было Крыжановского не ждать»²⁶.

С войском в 2000 человек при 12 орудиях Черняев двинулся на Ташкент, который обороняло 30 тысяч сарбазов (солдат). Ташкент был взят штурмом в ночь с 14 на 15 июня. Генерал-майор генерального штаба Д.И. Романовский, преемник Черняева на посту генерал-губернатора Туркестанской области, писал в своей книге: «Не одобряя предположений генерала Черняева относительно занятия Ташкента, правительство, однако, не считало удобным слишком стеснять этого главного распорядителя на месте, на личной ответственности которого была оборона края, в то время совершенно неведомого»²⁷. Двойственный характер политики Петербурга в отношении новых территориальных приобретений поистине поразителен: с одной стороны давались рекомендации воздерживаться от них, а с другой, начальникам отрядов предоставлялась свобода действий. Результаты же их предприимчивости признавались достоянием истории как свершившийся факт, а предприимчивый первопроходец вслед за замечанием получал награду. В этой связи весьма примечательно следующее высказывание М.Г. Черняева, содержащееся в его записке фельдмаршалу князю Баратынскому, датированной 1867 годом: «Замечательный факт в истории распространения нашего владычества в Средней Азии, что все наше движение от Урала и Иртыша до подножия Гималаев и Тянь-Шаня сделано по инициативе местных ведомств при хроническом противодействии центрального правительства»²⁸.

Далее Романовский пишет о последствиях скоропалительного решения Черняева: «Не предполагавшееся правительством занятие Ташкента, совершившееся в такое время, когда войска еще не успели туда прибыть, поставило нас в отношении наших среднеазиатских соседей в положение весьма трудное»²⁹. Взятие Ташкента привело к прекращению торговли с бухарским эмиратом, русские посланники были задержаны бухарским эмиром, их пытались вернуть силой оружия, было предпринято наступление на Джизак, не увенчавшееся успехом³⁰. Все это вместе взятое, по мнению Романовского «...ставили на карту все наши новые приобретения в Средней Азии»³¹. Таким образом, Романовский считает, что авантюристические действия Черняева спровоцировали дальнейшее наступление русских войск.

Однако заслуги Черняева были оценены Александром II. Черняев получил поздравительное письмо от императора, датированное 13 ноября 1865 г.: «Михаил Григорьевич! Я следил с горячим вниманием за действиями наших войск в Кокандском ханстве и искренне радовался успехам Вашим»³². Ему была пожалована золотая сабля с бриллиантами. Взятие города Ташкента генералом Черняевым явилось одним из блестящих дел русской армии.

На занятой территории Черняев сумел привлечь к себе и русской власти симпатии населения. «17-го числа, - пишет он, - ко мне явились аксакалы и изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству»³³. В фонде Н.И. Гродекова (Ф.307 ГИМ ОПИ) находится копия договора, заключенная Черняевым с ташкентскими жителями после взятия Ташкента: «1282 г. месяца Сафара 6 дня пятница. Губернатор Черняев из сожаления освобождает жителей, и ничего брать не будет, а в следующий год Великий Белый Царь окажет надлежащую милость по своему благоусмотрению»³⁴.

Повидавшая множество свирепых завоевателей Средняя Азия встретила в лице Черняева не только храброго воина (что всегда ценилось на Востоке), но и правителя, уважавшего мусульманские обычаи, доброго и справедливого властителя. Войска Черняева не обижали мирных жителей и не посягали на их имущество. Черняев отменил на завоеванных территориях рабство, аннулировал большинство налогов, чиновники из числа местных жителей начали получать жалованье из казны (до этого они жили за счет подношений просителей). Не удивительно, что уже в скором времени Черняев с горсткой солдат за сотни верст от ближайших русских гарнизонов мог быть совершенно спокоен за положение своей власти в Ташкенте. Всего с двумя казаками он ездил по улицам Ташкента, посещал баню вместе с местными жителями, делал покупки на базаре, обедал в чайхане. Жители Средней Азии уважительно прозвали Черняева «ташкентским львом», подчеркивая силу, храбрость и величавость победителя. Черняев стал героем российской и мировой прессы. Газетчики именовали Черняева «Ермаком XIX века» и это прозвище долго сопровождало его.

Однако после взятия Ташкента нужно было решить, что с ним делать дальше. В российском МИДе полагали, что наиболее подходящим вариантом будет объявление независимости Ташкента. Это, по мнению российских политиков, должно было успокоить и эмира, считавшего Ташкент территорией своих владений, и Великобританию, опасавшуюся дальнейшего продвижения России на Индию. Часть высшего офицерского состава в Туркестане, в том числе и Черняев, считала необходимым при такой независимости присутствие русской армии в Ташкенте, либо вблизи него. С этим категорически не был согласен канцлер А.М. Горчаков, который опасался, что присутствие русских войск даст Англии лишний повод усомниться в намерениях России. Горчаков вообще плохо знал Азию. Ориенталист Д.Н. Логофет писал: ««Покойный Черняев неоднократно вспоминал случай, когда канцлер князь Горчаков во время его доклада совершенно не мог ориентироваться в среднеазиатских вопросах и даже не имел достаточных географических сведений, систематически путая города и области Средней Азии с Сибирью»³⁵.

Со временем, обдумывая дальнейшую судьбу Ташкента, Черняев пришел к выводу о включении этого города в состав Российской империи, что было доведено им до сведения Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского. Естественно, что положительной реакции со стороны последнего это не вызвало. Крыжановский еще хорошо помнил обиду, нанесенную ему Черняевым при взятии Ташкента, когда тот не дождался приезда Оренбургского генерал-губернатора и самовольно взял Ташкент. Отношения двух генералов обострились.

Преемник М.Г. Черняева Д.И. Романовский в своей книге писал: «Генерал Черняев по овладении Ташкентом, ближе всмотревшись в положение дел, отказался от своей прежней мысли относительно образования из Ташкента независимого владения, и признавал необходимым окончательное присоединение его к составу империи... Генерал-адъютант Крыжановский, усвоив себе прежнее мнение, настаивал на его осуществлении, несмотря даже на адрес ташкентцев, в котором они просили о присоединении их к империи»³⁶. Предположительно, этот адрес был организован самим Черняевым. В письме В.А. Полторацкому от 20 декабря 1865 г. он осуждает действия Крыжановского, объявившего Ташкент независимым. «Несостоятельность этой идеи, которую я разделял прежде, выяснилась для всех и каждого. Даже в России понимают невозможность этой идеи... представьте себе, какую кричащую нелепость эта идея имеет здесь, на месте. Сам генерал-адъютант Крыжановский, за нее ратующий, убедился в этом и объявил всенародно в Ташкенте и за Чирчиком, что куда русские войска раз вступили,

оттуда уже никогда не уйдут. Когда же вслед за этим им было объявлено о независимости Ташкента, то все решили, что он “кончал базар” (т.е. сошел с ума)»³⁷.

Крыжановский представил свои соображения в Оренбурге, Романовский выступал докладчиком. В результате решено было вызвать обоих генералов в Петербург³⁸. В конфиденциальном отзыве Военного министра к командующему войсками Оренбургского военного округа от 8 февраля 1866 г. говорится о том, что император Александр II, «найдя приводимые генерал-майором Черняевым доводы и объяснения неудовлетворительными и неполными, высочайше соизволил вызвать его в Петербург для личного доклада»³⁹. Еще раньше (24 января 1866г.) Д.А. Милютин писал Н.А. Крыжановскому о возможной отставке Черняева и замене его Веревкиным. Но, учитывая самолюбие Черняева и его заслуги перед краем, он считал, что следует не объявлять ему об отставке, а постараться, чтобы он сделал это сам. «Мне известно, - пишет Милютин, - что он имеет намерение жениться, и невеста его в настоящее время находится в Петербурге. Весьма вероятно, что прибыв сюда, он сам не признает удобным в своем новом положении возвратиться в Туркестанскую область»⁴⁰.

Однако, Крыжановский, направляя 22 февраля 1866 г. Черняеву секретное предписание о немедленной явке в Петербург для разъяснений пишет: «Предлагаю Вам, с получения сего немедленно сдать на законном основании генерал-майору Романовскому как гражданское управление Туркестанской областью, так равно и командование войсками в одной расположенными»⁴¹. Однако, для подобного распоряжения должен был быть весомый повод, и Крыжановский 1 марта 1866 г. пишет рапорт Военному министру о финансовых нарушениях Черняева в Средней Азии⁴². Копия рапорта сопровождается пометками на полях, сделанных самим генералом Черняевым: «Вздор!», «Какая чепуха!» и т.п.

В конце концов официальный Петербург принял решение отозвать своевольного героя из Туркестана. Начатое Черняевым покорение Средней Азии было продолжено генералами Романовским, Кауфманом и Скобелевым, но сам Черняев был отстранен от всяких дел. 38-летний генерал, непрерывно воевавший 13 лет, был без всяких оснований выброшен из рядов армии, несмотря на свои победы и присоединение к России земель, превышающих по территории Францию, Германию и Италию вместе взятые!

После отставки Черняева 27 августа 1866 г. было принято решение о включении Ташкента в состав Российской империи⁴³. Как показали дальнейшие события, чувство страха было отнюдь не единственным фактором, вызывающим уважение Черняева со стороны местного населения. А.П. Хорошхин писал, что «он умел привязать к себе этих дикарей, и они звали и зовут его батыром»⁴⁴. Жители Ташкента преподнесли Черняеву в дар щит⁴⁵. Опальный генерал получал письма от граждан Ташкента, где они выражали надежду о его скором возвращении⁴⁶. В письме к Черняеву от 17 сентября 1866 г. написано: «Жители Чимкента и Ташкента молят Господа Бога, чтобы Его Величество Государь Император соизволил прислать Вас к нам снова»⁴⁷. Они и в самом деле неоднократно обращались с просьбой к Александру II вернуть Черняева и с жалобами на Романовского⁴⁸.

Конечно, решение отменено не было, но Черняев вошел в состав 13 членов комиссии, возглавляемой Д.А. Милютиным, которая зимой 1867 г. приняла решение о создании независимого от Оренбурга Туркестанского генерал-губернаторства. Однако генерал-губернатором Туркестанского края был назначен другой человек — К.П. фон Кауфман. Казалось, Черняев навсегда должен был забыть о Средней Азии.

В Санкт-Петербурге Черняев открыл в себе талант публициста, приобретя в 1873 г. совместно со своим давним знакомым по Кавказу генералом в отставке Р.А. Фадеевым консервативный

орган «Русский Мирь». В этот период он сблизился со славянофилами. Но для такой неужимой натуры, как Черняев, бездействие означало смерть. По образному выражению В.О. Ключевского: «Он сучал покоем...»⁴⁹. Когда в Боснии в 1875 г. началось восстание местных сербов против турецкого ига, Черняев, несмотря на запрет МИДа, где у него было много врагов, выдать ему загранпаспорт, нелегально прибыл в Сербию, где возглавил сербскую армию. Однако ввиду малочисленности, плохого вооружения и отсутствия дисциплины в сербской армии события развивались не в пользу русского генерала. В ожесточенном бою у Джуниса 17 октября 1875 г. Черняев потерпел единственное в своей военной карьере поражение. Его не выходящая из боев голодная и почти безоружная армия была не столько разгромлена, сколько уничтожена неприятелем. Война была проиграна.

Эта война стала роковой для репутации Черняева, которого не только Петербург, но и официальный Белград предпочли объявить виновником поражения. Он покинул Сербию и поселился в Кишиневе. Как военный и политический лидер Черняев больше не играл значительной роли. В русско-турецкой войне 1877-78 гг. о нем совершенно забыли. На фоне М.И. Драгомирова, Н.Г. Столетова, И.В. Гурко, М.Д. Скобелева он действительно выглядел неудачником.

Но в 1882 г. судьба вновь подарила ему шанс, и это было связано опять со Средней Азией. После смерти первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана Черняев был назначен Александром III **на эту почетную должность. Это был знак Высочайшего доверия**, означавший полную реабилитацию. Ради этого случая Черняев был произведен в генерал-лейтенанты.

Однако Черняев оказался малопригодным генерал-губернатором. Храбрый воин, он не был предназначен для чиновной должности. За два года нахождения в должности он не обнаружил ни административного такта, ни умения в выборе сотрудников и доверенных лиц. Один из его приближенных Всеволод Крестовский счел необходимым очистить от либеральных книг библиотеку, собранную при Кауфмане. Она была фактически уничтожена. Вслед за библиотекой были закрыты школа шелководства, хлопковая ферма, химическая лаборатория, служба технического надзора за ирригацией, питомник растений и другие подобные учреждения. Черняев словно мстил за свою многолетнюю разлуку с Туркестаном. Под влиянием неудачных советников Черняев сосредоточил в своем лице высшую апелляционную и кассационную инстанцию по всем судебным делам края, а на запросы Сената отвечал уклончиво, в пренебрежительном тоне. В конце концов благоволивший к нему вначале император Александр III вынужден был принять решение о его отставке. В январе 1884 г. он был отстранен от занимаемой должности.

С 1884 г. Черняев был членом Военного совета, но в 1886 г. вышел в отставку из-за полемики против проектов военного министра. В 1890 г. он вновь стал членом Военного совета. В 1898 г. генерал Черняев скончался в своем родовом имении Тубышки Могилевского уезда.

Пожалуй, среднеазиатский период жизни Черняева самый удачный, и в то же время, тяжелый и трагичный. Заслуги Черняева в присоединении Средней Азии к России трудно переоценить. Но почему же возвращение в Туркестан оказалось для него до обидного ничтожным и порочным? Для такого амбициозного импульсивного человека, как Черняев, действие было жизненно необходимым. Ключевский когда-то написал о Никоне: «Это словно парус, который только в буре бывает самим собой, а в затишье треплется на мачте бесполезной тряпкой»⁵⁰. Слова великого историка вполне применимы к безоглядной натуре Черняева. Личность, родившаяся и оказавшаяся в нужном месте в нужное время приводит к появлению Героя, но эта же личность становится совершенно бесполезной и даже опасной в обстоятельствах мирной

жизни. Автор статьи о Черняеве в «Словаре Брокгауза и Ефрона» Л. Слонимский писал: «Нет сомнения, что внезапная приостановка его служебной карьеры после блестящего завоевания Туркестанского края, многое объясняет в дальнейших увлечениях — он был выбит из колеи именно в тот момент, когда принес большую услугу государству»⁵¹. Трудно не согласиться, тем более что человеку трудно соперничать с самим собой. Однажды прославившись, трудно соответствовать созданному образу Героя всю жизнь.

¹ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 4. Л. 1.

² Там же. Л. 43-46.

³ РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 119. Л. 9-10 об.

⁴ Там же. Д. 120. Л. 43.

⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 4. Л. 59 об.

⁶ Там же.

⁷ РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 120. Л. 1.

⁸ Глуценко Е.А. Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001. С. 361-362.

⁹ Цит. по Глуценко Е.А. Указ. соч. М., 2001. С. 367.

¹⁰ РГВИА. Ф. 483. Д. 62. Л. 176-176 об.

¹¹ Сярковский Г. Воспоминания офицера о Туркестанских походах 1864-1865 гг. // Военный сборник. 1891. Т. 197. № 2. С. 357-381.

¹² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. С. 283.

¹³ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 6. Л. 25-26.

¹⁴ Там же. Л. 15 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ По другим данным 18 убитых, 60 раненых.

¹⁷ Подполковник Обух был тяжело ранен и скончался в Чимкенте. Позже при строительстве крепости Ташкент Черняевым одни из ворот были названы его именем.

¹⁸ Подполковник М.Г. Лерхе был тяжело ранен в руку и правый бок, ранение не позволило ему принять участие в штурме Ташкента в 1865 г. Скончался в 1891 г. в Санкт-Петербурге.

¹⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 6. Л. 27-28 об.

²⁰ Там же. Л. 30.

²¹ Там же. Л. 31-32.

²² По другим сведениям из Чимкента. См.: К. из Оренбурга Дело уральцев под Туркестаном в декабре 1864 г. // Военный сборник. 1865. Т. V.

²³ Алексеев Л. Дело под Иканом. (Рассказ очевидца) // Исторический вестник. 1893. Т. 51. № 3. С. 796-803; Хорошихин М.П. Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4-го, 5-го и 6-го декабря 1864 г. Уральск, 1895; К. из Оренбурга Дело уральцев под Туркестаном в декабре 1864 г. // Военный сборник. 1865. Т. V.

²⁴ Черняев М.Г. Геройский подвиг уральских казаков. // Русский инвалид. 1865. 26 января.

²⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 31. Л. 9.

²⁶ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 85.

²⁷ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868. С. 32.

²⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 31. Л. 8.

²⁹ Романовский Д.И. Указ. соч. С. 108.

³⁰ Речь идет о походе на Джизак зимой 1866 г. Джизак был взят русскими войсками 18 октября 1866 г. генерал-адъютантом Н.А. Крыжановским.

³¹ Романовский Д.И. Указ. соч. С. 108.

³² ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 2. Л. 3.

³³ Там же. Ед. хр. 31. Л. 11.

³⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 307. Ед. хр. 42. Л. 2 об.

- ³⁵ *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 1. С. 9.
- ³⁶ *Романовский Д.И.* Указ. соч. С. 35.
- ³⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 6. Л. 55.
- ³⁸ *Романовский Д.И.* Указ. соч. С. 36.
- ³⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 6. Л. 63-63 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 60 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 64 об.
- ⁴² Там же. Л. 89-93.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 400. Д. 19. Л. 54-55.
- ⁴⁴ *Хороших А.П.* Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876. С. 24.
- ⁴⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 208. Ед. хр. 6. Л. 96.
- ⁴⁶ Там же. Л. 99-100.
- ⁴⁷ Там же. Л. 101.
- ⁴⁸ Там же. Л. 103-109.
- ⁴⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Сочинения в 9-ти томах. М., 1988. Т. 3. С. 281.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1899. Т. 38. С. 695.

С.Г. Веригин

РОЛЬ П.А.СУДОПЛАТОВА В ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 4-ГО ОТДЕЛА НКВД-НКГБ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР В 1941-1944 ГГ.

Павел Анатольевич Судоплатов (1907—1996) с 1925 г. работал в органах ОГПУ-НКВД-НКГБ, являлся одним из руководителей советской внешней разведки, специалистом по организации террора. В 1938 г. в Роттердаме (Нидерланды) Судоплатов ликвидировал лидера украинских националистов Е. Коновальца, в 1939—1940 гг. занимался подготовкой операции «Утка» по ликвидации Л. Д. Троцкого. В годы Великой Отечественной войны комиссар госбезопасности П.А. Судоплатов возглавил 4-е управление НКВД СССР, главной задачей которого являлась организация диверсий и террора в тылу войск Германии и ее союзников. Судоплатов руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в ближнем и дальнем тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников.

В августе 1953 г. он был арестован и обвинен в участии в «заговоре Берия». Виновным себя не признал. В сентябре 1958 г. осужден к 15 годам лишения свободы. В августе 1968 г. вышел из заключения. Более 20 лет вел борьбу за свою реабилитацию и только 10 февраля 1992 г. был реабилитирован по Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября